

Содержание

Прелюдия	3
Глава 1	3
Глава 2	6
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	17
Глава 6	22

Прелюдия

Глава 1

Зере часто снился сон, что она актриса.

На сцене полуразрушенного театра одинокий свет фонаря падал на то место, где стояла Зера. На ней было чёрное платье, ярко-красная помада сверкала широкой улыбкой. Сердце отбивало ритм музыке, ноги ловко вытанцовывали движения, возникающие из ниоткуда, из глубин подсознания. Медленно шаг влево, ещё, ещё – резкий поворот на носочках, покачивание бёдрами, взгляд через плечо, снова на носочки – и кружить, кружить... Крупные чёрные волны юбки плавно поднимались и раскрывались, словно цветок, обнажая стройные ноги. Туфли искрились в тусклом свете золотистыми всполохами. Зера вскидывала голову и ускорялась в такт музыке. Внутренний голос звал её – за пределы повседневности, в неизведанное. Как же восхитителен этот миг, в котором нет ничего. Ничего и никого – только она. И Свобода.

Откуда-то изнутри ласковый голос шептал: «Скоро, Зере, скоро. Прелюдия к жизни завершится скоро...»

Зере просыпалась и с минуту осознавала, где она, кто она, после чего накатывало глубокое разочарование. Она закрывала глаза и старалась удержать сон в мельчайших подробностях. Она лежала, восстанавливая в памяти ускользающие детали: красный обшарпанный пол, тяжёлые портьеры по бокам...

Послышалось знакомое кряхтение, а за ним – детский плач. Это младшая проснулась – видимо, проголодалась.

16 июля. Вчера исполнился год с того дня, как малышка Айша появилась на свет, подарив Зере новые, ни с чем не сравнимые ощущения. К своему удивлению, она сразу ощутила, что любит эту девочку сильнее, чем двоих своих сыновей. Нет, конечно, сыновей она

тоже любит больше жизни, но такой нежности, благоговения, трепета она не испытывала к ним никогда. Зере чувствовала, что любит эту девочку за двоих.

Она приподнялась, чтобы взять дочь, но неожиданно пошатнулась и села. Голова была тяжелая, словно налитая свинцом. Вчера было много гостей, Зере уснула лишь под утро, после того, как убрала дом и перемыла всю посуду. «Почему нельзя купить посудомоечную машину?» Этот вопрос всякий раз вызывал в Зере бурю эмоций, которые невозможно было облечь в слова. Быть может, это не задевало бы её так сильно, если бы однажды она не уговорила мужа на эту злосчастную машинку, но одного «нечего, сама справится» от свекрови оказалось достаточно, чтобы покупка отменилась. Так свекровь откликалась на любую инициативу Зере. Незримый упрёк в адрес невестки витал в воздухе, подобно прохладному ветерку – все его чувствовали, но не слышали.

Дело в том, что положение отца Зере было более чем скромным, по сравнению с положением родителей мужа, и ей не позволяли забыть об этом. Также Зере, в отличие от мужа, не училась в университете, но выучилась на швею и лелеяла мечту о собственной швейной машинке. Но эту мечту она бережно хранила в тайне, чтобы свекровь не растоптала её, как свежую траву что на лужайке. Как же ей порой хотелось высказать свекрови всё, что она о ней думала! Но воспитание не позволяло ей грубить пожилой женщине, даже если та того явно заслуживала. Зере не полагалось даже смотреть свекрови в глаза, не то, что возражать. Разговаривать с ней она могла лишь по делу, в основном о детях. А эти утренние поклоны!

Зере выросла в довольно свободной атмосфере, и добрая мамочка позволяла в полной мере проявляться ее характеру. С самого детства она была веселой, смешливой, и обожала изображать разных людей. Зере в точности могла передать их характеры, мимику, жесты, даже

голос. Но больше всего на свете она любила танцевать! Это чувство легкости, грации, красоты движения она ощутила однажды, после изнурительного двухчасового занятия, когда после несчетных попыток, у нее наконец получилась сложная связка. Тогда Зере уже полгода посещала школьный кружок, куда мама привела ее – восьмилетнюю девочку с толстыми косами и изящными ножками. В день, когда у неё получилось попасть в такт музыке, и она поняла, что тело само следует за ней, и двигается неспешно и грациозно – в тот день она влюбилась в танцы раз и навсегда. И несмотря на то, что прошло больше десяти лет с того момента, когда мир её был разрушен, и Зере навсегда оставила танцы, ей до сих пор снились движения, в ушах играла музыка, и она даже ощущала запах обшарпанной школьной студии.

Теперь же Зере трудно было принять все эти условности, о которых она не знала, традиции, которых не понимала. Ощущение абсурдности, нелепости не покидало ее, вызывая внутри настоящий шторм.

– Ты всё ещё лежишь? – дверь комнаты распахнул муж. – Уже почти восемь. Я завтракать не буду?

– Кажется, у меня жар, – спокойно ответила Зере. – Сейчас выпью таблетку. Ты можешь присмотреть за дочкой?

– Только поменяй ей подгузник, потом я заберу, – брезгливо отозвался Мурат и захлопнул дверь.

Зере выпила таблетку, умыла дочь, переодела. Подбежал Алдияр, которому ещё не исполнилось трёх лет, и попросил поесть. Зере с трудом поднялась и, с малышкой на руках и цепляющимся за ногу сыном, спустилась вниз. Настал новый день.

«Подожди Зере, это всего лишь репетиция. Это не по-настоящему...»

Глава 2

Весь день Зере пыталась балансировать между готовкой, уборкой и детьми. Старшему нужно было помочь с изучением букв – всё-таки скоро первый класс. Алдияра пришлось искупать, потому что он весь измазался в грязи, накормить, переодеть, уложить спать дочь, приготовить обед, навести порядок в комнате свекрови (остальные комнаты сегодня можно и оставить), накормить свекровь и детей, вымыть посуду...

Самочувствие не улучшалось, а к вечеру и вовсе появился кашель. Зере с нетерпением ждала Мурата с работы, надеясь хоть немного прилечь, сбить жар, дать телу передышку, но он вернулся уставший, бросил на неё пустой взгляд и ушёл в спальню.

Зере до смерти хотелось прилечь. Хоть на минуту. Но малышка всё плакала и плакала, требуя маминого непрерывного внимания. Свекровь тоже ретировалась в свою комнату, пожаловавшись на головную боль.

Ночью кашель усилился, появилась одышка. Температура спала всего на пару часов, и сколько бы таблеток ни пила Зере – вновь поднималась. Только под утро тело окончательно сдалось, и она погрузилась в неглубокий беспокойный сон.

– Зере. Зереее, – низкий бас мужа донёсся сквозь дрему. Зере по привычке вздрогнула, вскочила. Только бы не разбудить Айшу.

– Как ты?

– Не очень. Кашель душит.

– Я вижу температура спала, – муж улыбнулся. – Это хорошо.

– Да.

– Маме плохо. Ей нужно сварить суп. Кажется, у неё тоже температура.

– Сейчас встану.

Сдерживая кашель, чтобы не разбудить малышку, Зере тихо вышла из комнаты и побрела на кухню.

19 июля. Малышка Айша плакала на кровати, но Зере было не до неё.

Она сидела на верхней ступени лестницы, сгорбленная, уткнув лицо в колени старалась не разрыдаться в голос. Передвигаться становилось всё тяжелее – кашель не утихал, вызывая судороги в теле и приступы удушья. По ночам спала полусидя, если эти двадцатиминутные передышки между кашлем и удушьем на фоне головной боли можно было назвать сном.

День клонился к закату, и крыши домов утопали в багровом, густом зареве. Зере прокручивала в памяти события прошедших часов, и они вызывали у неё странное, мучительно двойственное чувство.

С одной стороны, при воспоминании о свекрови, старательно изображающей сердечный приступ, ей хотелось громко, истерично смеяться. Зере так и видела, как та медленно вышагивает из своей комнаты, опершись на руку сына, грузная и полная пафосного трагизма. Как на её лице застыла вселенская скорбь, как она чуть не поскользнулась о край ковра, и грязно выругалась.

Как врачи скорой помощи терпеливо выслушивали её жалобы, долго осматривали, сочувственно кивали. И как в финале этой драмы свекровь схватилась за сердце и жалобно застонала, и Мурат настоял на ее госпитализации.

С другой стороны, Зере безумно хотелось, чтобы в больницу увезли именно её. Это ей нужна была помощь. Это она задыхалась по ночам, так, что приходилось спать полулежа, это у неё не сбивался жар, это она не чувствовала вкуса еды, и вообще-то не ела уже Бог знает сколько. Попасть в больницу, остаться одной, спать сколько угодно, есть, получать внимание и заботу, а не только отдавать – ей казалось, что это и есть счастье. Но Мурат строго-настрого запретил жаловаться врачам на своё состояние, ибо он не собирается из-за её прихоти пропускать

работу. Обещал постараться приходить пораньше, помогать с детьми. Ох... Сколько их – этих его обещаний у неё накопилось – хватило бы на целую жизнь.

От этих мыслей слёзы подступили с новой силой, они сжимали грудную клетку, словно тугой корсет.

Зере вспомнила, как услышала скрип калитки, увидела белые халаты, медленно приближающиеся к дому, и обрадовалась, что наконец получит помощь.

– Здравствуйте, – обратилась она к одному из медиков, – вот мой паспорт.

– Здравствуйте. А вы кто? Нам сказали пожилым человеком.

Зере взглянула на Мурата, и все поняла.

Теперь, в полумраке комнаты, Зере сидела и смотрела, как за ними закрывается калитка, и родной ласковый голос вновь зазвучал в голове:

«Всё вокруг, все, что происходит – не по-настоящему, нереально. Настоящая жизнь начнётся скоро...»

Ведь не может быть, чтобы это и была твоя настоящая жизнь.

Это не твой муж ушёл ночью в другую комнату, чтобы не слышать кашель. Это не он не говорит с тобой неделями, когда считает, что ты в чём-то провинилась, или просто так, от чего ты еще больше стараешься угодить ему. Это не твоя свекровь ежедневно повторяет мантру: «Женщин много, а мать – одна». Не она ест хлеб на кровати и не спускает воду в ванной. Не она закатывает сцены каждый раз, когда вы с мужем ходите в гости. Не просите её остаться с детьми, не просите денег. Просто. Ходите. В гости.

Да, деточка, потерпи. Это не твоя жизнь...

Это не ты выскочила замуж за первого, кто обратил на тебя внимание. Не ты молчала, когда он впервые нагрубил. Не ты стерпела, когда он кинул в тебя игрушкой. И уж точно не ты родила этому

чужому человеку прекрасную девочку, к которой он подошёл за год раз десять, не больше.

Нет. Ты – актриса, Зере. Ты притягательна. Ты чувственна. Ты – загадка. Ты будешь купаться в восхищении и славе, сверкать в огнях рампы, танцевать, кружить, ты будешь жить.

Только потерпи.

Глава 3

20 июля. С вечера у Зере снова поднялась температура. Теперь ей уже стоило огромных усилий встать с постели, как бы ни старалась. В груди будто поселилось что-то чужое – вязкое, липкое, скребущее, и причиняло нестерпимую боль при каждом вдохе.

Зере взяла в руки золотистые туфли, тихонько спустилась по лестнице и вышла на улицу, осторожно притворив за собой дверь. Несколько минут она медленно шла по дороге, ощущая прохладу утреннего ветерка на лице.

Оказавшись в конце улицы, огляделась и неслышно проскользнула в здание старого драматического театра. Оно давно пустовало, обросло пылью и паутиной, но для неё это место оставалось самым волшебным на земле.

К Зере стремительно подошла строгая, полноватая женщина. Опустив на кончик носа очки в толстой оправе, она с вызовом уставилась на стоявшую в нерешительности девушку. Зере давно перестала стараться выглядеть хорошо – зачем? Для мужа она стала чем-то вроде мебели или домашней прислуги, а слуги, как известно, все на одно лицо. Для остального же мира её и так не существовало.

– Запавшие щёки, чёрные круги под глазами... Деточка, ты что, всю ночь уголь таскала? А волосы? Сплошная слипшаяся копна! Нет, так дело не пойдёт! – С этими словами женщина отвернулась и стала

громко раздавать распоряжения тем, кто оказался в поле её зрения. От стыда Зере залилась краской, но собралась с духом, и произнесла:

– Простите, вы не можете так со мной говорить. Я – солистка этого театра!

– Солистка? – дама с раздражением прервала свои дела. – Посмотри на себя! Какая ты солистка? Может ты хотела сказать «уборщица»? – она задумалась. – Ой, точно! У меня есть для тебя роль! Вернее, это не совсем роль, скорее реквизит, но... У нас вакантно место... метлы! Вон там, в углу должна стоять чёрная метла, и ты идеально подходишь! Раз уж так хочешь на сцену – пожалуйста! Метла – твоё место.

– Но я женщина, актриса!

– Какая же ты женщина? Ты – реквизит.

Несчастливая девушка почувствовала, как горячая струя скатилась по щеке. Слеза жгла кожу, глаза, расплывалась по лицу. Зере стояла в полутьме зала и подумала, что нужно бы вытереть слезу, но не могла даже пошевелиться. А когда всё же решилась – ладонь наполнилась свинцовой лавой. Поток жгучей боли медленно обволакивал руки, плечи, шею, сливаясь с раскалённым потоком, текущим из глаз. Зере зажмурилась.

– Зере... Зерее...

Зере проснулась.

– Что с тобой? Ты будто задыхалась.

– Я... Мне очень плохо, Мурат. Мне нужна помощь.

– Но мама и так в больнице! Ты же не можешь оставить меня одного с детьми. А кто работать будет?

– Я знаю... Но всё серьёзно. Я не сплю уже неделю. Пожалуйста, прошу тебя.

– Не плачь только! Вечно ноешь и ноешь. Я опаздываю! Ни одной чистой рубашки!

– Я не специально заболела...

– Ладно, успокойся. Постараюсь сегодня прийти пораньше. Если получится. А ты займись стиркой, пожалуйста! Сколько можно? Надо двигаться, не жалеть себя, тогда болезнь отступит.

С этими словами Мурат вышел из комнаты.

С трудом Зере дотянулась до телефона. Дрожащими пальцами набрала номер.

– Алло... Мама?... Привет, мам... Мне очень плохо... – и разрыдалась. По-детски, пронзительно, отчаянно – как только может плакать ребёнок матери.

– Зере, что ты такое говоришь? Что с тобой, моя девочка?

– Я больше не могу... Забери меня отсюда, умоляю. Я хочу в больницу! – она говорила торопливо, сбивчиво, будто боялась, что мама повесит трубку. – Зачем ты меня здесь оставила?

– Хорошо, Зере. Не плачь, дорогая. До вечера у меня есть время – в восемь самолёт. Но я приеду! Сейчас же приеду. И если нужно будет – заберу тебя. Только продиктуй адрес.

Этот разговор встряхнул Зере. Она медленно встала, держась за перила, и собрав все силы, спустилась вниз.

Мурат торопливо обувался, делая вид, что не слышит её шагов.

– Мурат... Я хотела сказать... Скоро приедет моя...

Дверь захлопнулась.

В тишине Зере слышала своё неровное, громкое дыхание. Что-то придавило плечи, руки налились свинцовой тяжестью. Она поняла, что держит в руках грязное бельё, которое собиралась отнести в стирку, но очередной приступ кашля вынудил ее бросить белье и схватиться за стену. Вещи упали на пол, в глазах потемнело, и Зере услышала плач Айши. Она наощупь добралась до дивана.

Сквозь чёрную пелену, затягивающую сознание, она услышала голос Алихана – он испуганно что-то кричал, и бережно собирал с пола рубашки отца.

Зере отключилась.

Глава 4

Из тревожного забытия её вывел настойчивый стук в дверь. Кто-то открыл дверь.

- Привет, мальчик! Как тебя зовут?
- Здравствуйте! Алихан.
- А твоя мама дома? Зере дома?
- Да, она там, на диване. Мама болеет.
- Меня зовут Амина. Можно мне пройти к ней?
- Проходите.

Женщина вошла, и сразу направилась в гостиную, где на диване лежала Зере. Женщина подошла к окнам, раздвинула занавески – в комнату хлынул тусклый послеобеденный свет. Зере зажмурилась, будто от боли.

– Привет, дорогая! – Амина присела на край дивана, где полулежала Зере. Приложила ладонь ко лбу, и отпрянула. – Зере, ты горишь! Почему ты одна? Где муж?

– Мама... как хорошо, что ты пришла... Мамочка... Забери меня отсюда...

– Зере... бедная девочка... – Амина обеспокоенно глядела на Зере. – Сейчас вызову скорую.

Она тяжело выдохнула, будто стряхивая с себя нарастающую тревогу, и поднялась:

– Алихан, беги, найди градусник. Скорее всего, в комнате родителей, на тумбочке. В доме есть кто-то ещё?

– Алдияр в садике, Айша спит.

– Ясно. Сколько лет Айше?

– Годик.

– Поняла. Иди на кухню, принеси маме стакан воды, потом беги за градусником.

Алихан побежал на кухню, а Амина подошла к кроватке, где лежала Айша. Девочка мирно спала, Амина решила пока отложить хлопоты с малышкой и заняться Зере.

Следующие три часа прошли в суматохе: поиск лекарств от жара и кашля, звонки в скорую (которая так и не приехала), приготовление супа, кормление Алихана и Айши, безрезультатные звонки Мурату. И наконец – страшное открытие: шишка на голове у Айши, явно свежая.

– Мама уронила Айшу, – сказал Алихан, будто прочитав её мысли.

– Уронила? Когда?

– Сегодня. Она шла к дивану и чуть не упала. Я поднял Айшу, положил в кровать, дал бутылочку.

– Алихан, ты – большой молодец! Ты – настоящий мужчина и помощник мамы!

Алихан гордо приосанился, и деловито сообщил, что ему пора за Алдияром. Оказалось, садик находится на этой же улице через два дома.

– Хорошо, иди. Только возвращайтесь поскорее.

– Мама?.. – едва слышно произнесла Зере. – Ты пришла?

Амина вытащила градусник – температура наконец спала.

– Тебе нужно поесть, – мягко сказала она. – Принести бульона?

– Нет... – Зере схватила её за руку. – Посиди со мной...

– Хорошо.

– Я умру, мама?

– Родная... Тебе всего двадцать шесть. У тебя крепкий, молодой организм. Нет, ты не умрёшь. Но тебе срочно нужно лечение. Я звонила в скорую три часа назад – и тишина. Сейчас никто не приезжает, больницы переполнены. Я заказала тебе лекарства из аптеки, скоро их доставят.

– Почему? Почему не приезжают?

– Ты не знаешь? Вирус разошёлся по миру, бушует. Эпидемия. Люди умирают, Зере. Врачей не хватает, мест в больницах тоже.

– Что-то слышала... – еле слышно прошептала Зере.

– Я говорила с твоим мужем. Он даже слушать не хочет про отпуск. Вы поссорились? В любом случае ты не можешь так оставаться. Скажи, как я могу тебе помочь?

– Останься... Только ты можешь позаботиться обо мне. Я никому не нужна... И прости, что позвонила тебе...

– Правильно сделала, что позвонила.

– Ты останешься со мной?

– Милая... Я бы с радостью... Я так рада тебя видеть! Но через четыре часа у меня самолёт. Меня ждут. Может, у тебя есть подруги, друзья?

– Нет... На всем свете мне больше некому позвонить...

– Зере, он обижает тебя? Тебе плохо здесь?

– Всё, о чём я мечтала – все исчезло. Всё рухнуло. Всё. И уже ничего не исправить...

– Что ты такое говоришь? Ты ещё молода. У тебя прекрасные дети. Ты красивая. Ты умная. У тебя все еще наладится!

– Спасибо, Амина... – Зере приоткрыла глаза. – Ты всегда говорила, что я талантливая. Что у меня будет будущее...

– Потому что это правда! Помнишь, как мы мечтали играть в театре? Ты – Эсмеральду, я – Джульетту! Я так тебе завидовала, потому что ты играла лучше всех!

– Эх, оставь... Я навсегда заперта здесь. Мне некого винить... Только детей жаль. Особенно Айшу. Где она?

– Здесь. Спит. Ты тоже отдохни.

– Я не хочу засыпать снова. Мне лучше, Амина. Расскажи мне, как ты живёшь.

– У меня все хорошо. Вот, нашла работу по своей профессии, вышла замуж... С мамой тоже все хорошо. Передавала тебе привет.

– Я думала, она ненавидит меня.

– Нет, что ты! Она любит тебя. А что у тебя?

– Он не любит её, – Зере задумалась о чем-то своем, – Мурат. Не любит свою дочь. Говорит «зачем забеременела?» Как можно так говорить? А она такая милая. Мальчишки не пропадут – его мамочка не оставит их. Они и не вспомнят обо мне. Но Айша... Моя малышка.

По щекам Зере катились горячие слёзы.

– Послушай меня Зере. Я скажу, что я думаю, надеюсь поймешь, что я из любви... Ты слушаешь?

– Да. Только позови маму, пожалуйста. Я не хочу, чтобы она тут хлопотала.

– Она не хлопочет, Зере. Ее тут нет. Ты слышишь меня? Понимаешь, о чем я говорю?

– Не совсем.

– Этот вирус, Зере, он страшный. Он поразил весь мир. И он добрался до Казахстана. Люди умирают. Не только старики. Молодые. Много моих знакомых. И ты, судя по всему, заразилась этим вирусом от кого-то. Твой муж сказал, что твоя свекровь больна и лежит в больнице. Скорее всего ты заразилась от нее, или она от тебя – неважно. Но у тебя из-за высокой температуры путается сознание. Понимаешь? Но это не страшно. Сейчас главное для тебя – выздороветь.

– Я тоже могу умереть?

– Ты не умрёшь. Ты сильная. Ты выкарабкаешься. Ради своих детей, ради себя. Хорошо?

– Амина... Я и не знала, что такое творится.

– Конечно не знала. У тебя не было времени. Но это не страшно. Ты ни в чём не виновата, понимаешь?

– Понимаю... А ты не можешь остаться?

– Родная, я не могу. Мне нельзя пропустить рейс, потому что с этой эпидемией рейсы все время отменяют. Там учёба, работа, муж. Но ты

во что бы то ни стало должна выздороветь! Ради себя и своих детей! Я дала твой номер маме, она придет к тебе завтра, если ты ей разрешишь. Принимай любую помощь, не оглядываясь назад. Подумай о своих детях, подумай о своей малышке.

– А мама? Я сегодня с ней говорила.

Амина крепко сжала её руку.

– Зере... Твоя мама умерла десять лет назад.

Она пыталась поймать взгляд Зере. Но та отворачивалась.

– Сегодня ты говорила со мной. Ты позвонила. Назвала меня мамой. Попросила приехать. И я приехала.

– Что ты такое говоришь? Я точно помню...

– Ты говорила со мной, Зере. Это была я. Я сразу тебя узнала, несмотря на то, что мы не разговаривали девять лет.

– Что ты такое говоришь?

– Зере, помнишь вечер, когда мы пошли на дискотеку? – Амина взяла руку Зере в свои ладони, – Серые брюки с пайетками, которые сшила твоя мама, тогда ты надела их впервые, помнишь?

– Да, конечно, – Зере улыбнулась.

– Потом ты вернулась домой, помнишь? Вернулась одна, потому что наши мамы поссорились, и запретили нам общаться. Мы скрывали, что встречаемся, ходим на дискотеки.

– Даа... – мечтательно протянула Зере.

– Что было, когда ты пришла домой?

– Папа... Он сидел на кухне, он плакал.

– Да. Он сказал, что твоя мама умерла. Ты выбежала на улицу босиком, кричала, плакала... Ты помнишь это?

– Как? Нет. Не может быть... Я точно знаю, что говорила с ней сегодня. Хорошо, не сегодня, но я точно говорила с ней! Скажи, ты же шутишь? Ты же... – Зере выглядела растерянной, Амина обняла её, попыталась скрыть слезы. Её сердце разрывалось.

- Нет, я не шучу. Ты говорила со мной, не с мамой.
- Откуда тебе знать? – произнесла Зере едва слышно. В ее тоне звучало разочарование, вызванное встречами с реальностью.
- Мне так жаль, дорогая. Мне так жаль...

Глава 5

Когда Зере открыла глаза, за окном стояла ночь. Воздух в комнате был густой, тяжёлый, как застоявшийся пар. Первое, что она ощутила – тишина, натянутая словно тонкая вуаль, окутывающая дом и её саму.

Тело будто вросло в диван. Даже слабое движение руки далось с трудом, словно она весила тонну. Несмотря на пересохшие губы и прерывистое, сломанное дыхание, голова на удивление была легкая.

Вдруг в сознании всплыло лицо Амины. Её слова о том, что мамы уже десять лет нет в живых. Зере стало страшно: вдруг и Амина ей привиделась? Вдруг и её она придумала в горячечном бреде? На глаза выступили слезы, горячие, вязкие, и медленно скатились по лицу, обжигая щеки.

– Алихан. – выдохнула едва слышно.

Ответа не было.

Она попыталась позвать чуть громче, но голос растаял в густом воздухе.

Зере собрала все силы и поднялась. Держась за стену, шаг за шагом дошла до ванной. Голова кружилась, движения давались с трудом. В ванной плеснула в лицо холодной воды, прислонилась к стене, закрыла глаза.

«Мне пора, Зере. Я не могу оставить тебя в таком состоянии. Позволь, я отвезу тебя к маме. Она будет рада позаботиться о тебе. Прошу тебя.»

«Нет. К твоей маме я не поеду. Всё будет хорошо. Мурат скоро придёт. Езжай, Амина. Вдруг опоздаешь на рейс. Спасибо что пришла спустя столько лет.»

Зере открыла глаза. Необходимо было собраться: проверить Айшу, сменить подгузник, накормить, выпить лекарства, которые Амина разложила на подоконнике. Если получится – поесть.

Детский плач. Тонкий, хорошо знакомый голос Айши, но слышен почему-то издалека. Зере сообразила, что дочь на втором этаже.

В полутьме подошла к лестнице и подняла взгляд. На самой верхней ступеньке стояла Айша. Её маленькая, едва различимая в темноте фигурка, круглое лицо, блестящие черные глазки – да, это определенно была она. Она держалась за перила и всхлипывала.

– Дочка! Солнышко! – прошептал кто-то рядом. Зере оглянулась, и увидела лицо мамы.

– Ты устала, моя девочка. Присядь, отдохни.

– Мама?

Мама стояла рядом, в своем любимом ситцевом платье с синими цветами.

– А кто же ещё?

– Зере потянулась к ней. Голова закружилась. Она осела на ступеньку, мама села рядом.

«Свет... нужно включить свет. Она просто боится».

Зере попыталась вспомнить, где выключатель, но это знание ускользало от нее.

– Оставь это, милая. Ты устала. Давай просто посидим, – мама обняла её за плечи.

– Мама... Амина сказала, что ты умерла.

– Правда? Странно.

– Мы же сегодня говорили по телефону?

– Ты очень устала, малышка. А этой Амине я никогда не доверяла.

– Почему? Почему ты запретила нам общаться? Почему возненавидела её? Неужели они вправду украли твои украшения? Я никогда не верила в это!

– У Амины светлые волосы и зелёные глаза. Я не люблю зелёные глаза, есть в них что-то от дьявола.

– Но это же не причина! У папы тоже зелёные глаза!

– Вот именно. У неё глаза и волосы твоего отца. И нос, и губы, и фигура. Ты никогда не замечала?

– Что? Не замечала. Но, наверное, какая-то часть меня всегда знала что-то такое, о чём я не хотела думать. Почему ты мне не рассказала? Я столько лет гадала: почему мы уехали, почему ты запретила мне общаться с единственной подругой, которая у меня была. Я была уже взрослой, ты могла мне рассказать.

– Потому что моя драма не должна была стать твоей. Но, к сожалению, стала. Я знаю, как вы дружили. Ты любила её, и это было для меня невыносимо. Я просто не смогла с этим справиться достойно. Прости меня, дочка.

Мама положила руку на её плечо, Зере закрыла глаза. Так хорошо было вот так сидеть, и никуда не спешить.

– Но я сейчас упаду. Ты должна мне помочь, Зере – голос мамы звучал мягко, обволакивающе.

– Как помочь, мама?

– Милая, ты должна собраться с силами, и подняться по этой лестнице. Ты должна поймать меня.

Зере оглядела пустой зал. На сцене было темно, в углу сгрудились старая мебель, светильник, парочка дамских зонтов с кружевами, и еще несколько предметов непонятного происхождения. На деревянном столе стояла лакированная шкатулка. На выцветшие портьеры падала узкая полоска света от дверной щели. У боковой лестницы Зере заметила небольшую фигурку, но в темноте не могла разглядеть кто это.

Фигурка как будто хотела сделать шаг вниз, но застыла, маленькая ножка зависла в воздухе.

– Прости что ушла, когда нужна была тебе. Когда ты нуждалась во мне. Ты только начала расцветать, готовилась осуществить свою мечту: пойти учиться в театральное. Почему ты отказалась от этого?

– Я... Я захотела стать швеёй, как ты.

– А как же сцена? Ты же столько стихов знала, и поэм! Это не дело, дочка. Твое место на сцене, я уверена.

– Уже слишком поздно мама. Я ничего не могу, во мне не осталось жизни, ни капли.

– Никогда не поздно, дочка. Ты должна отпустить меня, и заняться своей жизнью. Ты – героиня! Ты столько всего уже смогла! И ты ошибаешься – в тебе очень много жизни, тебе только надо набраться храбрости! Не оглядывайся, не сомневайся дочка!

– Я просто очень скучаю, мама.

– Я знаю, милая. Не скучай, отпусти. Я наделала много ошибок, как и твой отец. Но не злись на него, и отпусти меня, любимая. Не бери на себя наши проблемы, сбрось с плеч этот груз. Встряхнись, дочь! Тебе всего двадцать шесть!

– Я совершила ужасную ошибку, мама. И этого уже не изменить.

– Ты горевала, и была беззащитна. Я лишила тебя опоры, я виновата! Но знаешь, что я тебе скажу, дочка? Все люди ошиб-а-ю-т-ся. – подбодрила мама.

– Но мне уже ничего не исправить.

– Ха! Глупости! Исправить можно всё, надо просто переиграть сцену. Переписать! До сих пор тебе доставались только драматические роли, но, пора это изменить! Выбери другую, и сыграй её лучше всех! Ты помнишь, как ты забирала все самые лучшие роли в театральном кружке? Даже эта противная Амина, со своими большими глазами не

могла обойти тебя! Потому что ты играла лучше! Ты талантлива, дочь! Ты можешь переиграть любую!

– Мама, я так тебя люблю! И скучаю.

– Но есть вещи, которые исправить невозможно. – Мама съёжилась на старом кресле, взгляд ее стал беспокойным. – Я хочу, чтобы ты встала, и поднялась по этой лестнице.

– Почему?! Зачем мне подниматься? Я хочу сидеть с тобой вот так! Скоро придут люди, мама, и мне страшно. Забери меня со сцены, забери меня отсюда, иначе я упаду.

– Почему, мама? Мне так хорошо с тобой.

– Потому что ты – самое дорогое для меня, дочка, – мама нежно поцеловала Зере в щеку, – ты моя дочь, мой цветочек, мое продолжение, а она – твое...

– Кто она?

– Айша.

Зере продолжала теребить свою толстую косу, и играть лентой.

– Кто такая Айша, мам?

Мама исчезла.

«Айша... Кто такая Айша?».

Этот вопрос не давал покоя Зере. Она вгляделась в темноту, и смутное беспокойство овладело ею. Вспомнила про выключатель. «Надо спасти маму. Или Айшу? Кто такая Айша?». Включила свет, и взгляд её тут же упал на маленькую плачущую фигурку наверху лестницы.

«Айша!»

Зере поднялась на колени. Уцепилась за перила. Стала медленно, на четвереньках, ступенька за ступенькой подниматься вверх.

Спустя бесконечно долгие двадцать пять ступеней, Зере наконец оказалась наверху лестницы. Девочка прильнула к ней, и её блестящие влажные глазки заулыбались.

Зере села, и прижала дочь к себе. Медленно, осторожно, как будто боялась разрушить этот хрупкий, только что спасённый мир.

Глава 6

30 июля. Ранним утром ворота дома, где жила Зере, были распахнуты настежь. Двор заполнили люди: мужчины, женщины, старики, соседи. Все пришли проститься с покойной, почтить её память, отдать дань уважения. В доме шли последние приготовления перед вынесением тела, после чего мужская половина должна была предать его земле, тем самым, навсегда поручив заботу об усопшей Аллаху. Суетливые, спешные, но отточенные годами действия участников процесса успокаивали Мурата.

Дети были отправлены к родственникам Зере на время похорон, и он был рад, что не услышит их голоса хотя бы сегодня. Он стоял посреди подвижной массы снующих туда-сюда людей, и мечтал, чтобы всё скорее закончилось. Его некогда статная фигура теперь сгорбилась под футболкой, словно что-то в нем надломилось. На лице – печать, та самая, что ложится невидимой тенью и навсегда меняет черты человека, пережившего смерть близкого.

Мурат вышел за ворота, чтобы спокойно покурить в одиночестве, и тут же заметил чёрную машину. Взгляд его привлекла не столько сама машина, сколько женщина, сидевшая в ней. На вид ей было лет пятьдесят, строгое лицо с правильными чертами, волосы собраны в пучок, карие глаза не сводившие с него глаз. Они не были знакомы, но что-то в ней – во взгляде, в выражении лица – подсказывали, что женщина приехала к нему. Мурат подошёл, намереваясь поприветствовать гостью, но женщина не вышла из машины, даже не спустила стекло, а только продолжала смотреть на него сквозь лобовое стекло.

Мурат замялся, неуклюже повернулся, собираясь вернуться во двор, и сделав несколько шагов буквально нос к носу столкнулся с Зере.

Она прошла, не сбавляя шага, смотрела вперед, словно не видит его. Одной рукой Зере катила небольшой чёрный чемодан, в другой несла дорожную сумку. Выражение лица невозмутимое.

– Что это? Куда ты? – спросил Мурат.

– Я ухожу, Мурат. – произнесла Зере ровно, даже не замедлив шага. Прошла мимо него, к багажнику той самой машины.

Женщина молча вышла из салона, и вместе они погрузили чемодан и сумку в багажник. Крышка хлопнула.

– Куда ты идёшь?! Сейчас вынесут маму! Тут всё надо держать под контролем, пока я поеду на кладбище! Ты куда собралась?!

– Я ухожу от тебя, Мурат. Неужели это до сих пор не ясно?

– Сегодня?! Сейчас?!

– Да. Сейчас. Просто ухожу. Всё. Развожусь с тобой. Я больше не могу.

– Какой еще развод?! Ты с ума сошла?! Нашла момент устраивать свои сцены! Когда в доме такое горе!

– Горе у тебя. Прости, но это так. Что хочешь думай обо мне – мне всё равно! Я сочувствую тебе, правда. Но не настолько, чтобы остаться здесь ещё хоть на один день. Ты для меня давно чужой человек, а я – для тебя. Так что, в каком-то смысле я освобождаю нас обоих. У нас ещё есть шанс стать счастливыми по отдельности.

– Зайди в дом, Зере! Похороним маму, а завтра поговорим, как люди! Прошу тебя.

– Ох, просишь? Как это трогательно. Жалко, что ты не услышал меня, когда я тебя просила. Когда умирала одна дома с тремя детьми. Что ты там говорил? «Не ной»? Ну вот, больше ты моего нытья не услышишь. Поздравляю!

– Ты тварь! Подлая! Самая подлая из всех! Мама всегда говорила, что предашь в любую минуту, змея ты неблагодарная! Я тебе и одежду, и еду, и дом! А ты вот так со мной?!

Он бросился к ней, схватил за локоть.

– Да, твоя мама была права. Как же она была права! А ты думал, только ты можешь предавать? Ты думал, что купил меня навсегда? Отпусти!

– Нет уж, змея!

– Не отпустишь – устрою такой скандал, что ты и твоя мать будете покрыты позором навсегда! Дай мне тихо уехать, и сохранишь остатки своей репутации, или что там у тебя!

Он ослабил хватку, и Зере резко вырвалась. Села в машину и захлопнула дверь.

Машина медленно тронулась, Зере опустила стекло.

– С детьми можешь видаться, сколько хочешь. Можешь даже забирать их к себе. Только вот сомневаюсь, Мурат, что они тебе нужны...

Мурат смотрел вслед удаляющейся машине, и вскоре она скрылась за углом.